

С. Л. Кушнерук
Челябинск, Россия

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ ГАЗЕТ И НОВОСТНЫХ САЙТОВ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению феномена информационно-психологической войны в британских средствах массовой коммуникации. Исследование выполнено на основе данных из корпуса «News on the Web» в период 2010—2018 гг. К анализу привлекаются контексты из интернет-газет и новостных сайтов, объединенные тематикой противоборства. Цель работы — реконструировать фрагмент медиареальности информационно-психологической войны по текстовым данным и установить его параметры. Для обозначения репрезентационной структуры, фрагментарно объективируемой в медиадискурсе Великобритании и отражающей расстановку сил в глобальном геополитическом пространстве, вводится понятие дискурсивного мира информационно-психологической войны. Его содержание раскрывается с позиций когнитивно-дискурсивного миромоделирования — направления лингвистической дискурсологии, исследующего дискурс в терминах репрезентационных структур. Дискурсивный мир информационно-психологической войны как сконструированная журналистами реальность охарактеризован по масштабу, субъектам, ключевым акторам, целям и задачам, театру военных действий, активным средствам, составу войск и оружию. Установлено, что информационно-психологическая война ведется крупнейшими медиа Великобритании и направлена на читателей. Объектом информационно-психологической войны является сознание широкой аудитории, интересующейся вопросами политики и читающей интернет-издания. Мишенью информационно-психологической войны выступает Россия, которая в британских медиа представлена как угроза всему миру и ключевой актер информационной войны, препятствующий культурно-цивилизационному развитию Запада. Негативное миромоделирование в британских медиа проявляется в распространении таких представлений о России, которые демонизируют образ нашей страны в глазах граждан других государств. Результаты могут оказаться полезными при разработке мер защиты от внешнего информационно-психологического воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; медиадискурс; медиалингвистика; медиатексты; политический дискурс; СМИ; средства массовой информации; британские СМИ; язык СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

В современном мире действительность оказывается репрезентированной. Реальность воспринимается «через трактовку» в средствах массовой коммуникации — в газетах, журналах, Интернете, на радио, телевидении, а также в новейших цифровых гаджетах. Поэтому использование медийных инноваций в сценариях войны представляет большой интерес не только для военных, экспертов по национальной безопасности, правоведов, политологов, историков, журналистов, философов, но становится все более актуальным для филологов, так как именно язык служит неотъемлемой составляющей реализации военных стратегий и тактик информационно-психологического противоборства.

Многочисленные трактовки феномена информационно-психологической войны, имеющиеся в зарубежной [Arquilla 2011; Arquilla, Ronfeldt 1993, 2001; Brose 2015; Brzezinski 2012; Denning 1999; Libicki 1995, 2017; Stein 1995; Szafranski 1997] и отечественной [Агапова, Гущина 2017; Алексеев, Алексеева 2016; Бабилова, Цыганкова 2017; Иванова 2016; Копнина 2017; Копнина, Сковородников 2016, 2017; Коцюбинская 2015; Кошкарова 2018; Кошкарова, Руженцева, Зотова 2018; Озюменко 2017; Сковородников, Копнина 2016, 2016а; Тагильцева 2012 и др.] литературе, свидетельствуют о том,

что ее однозначное определение отсутствует. Это объясняется сложностью и многогранностью понятия, которое требует междисциплинарного подхода к изучению, представляет интерес для специалистов из разных областей; расхождением теоретических и методологических позиций исследователей, обращающихся к изучению феномена в условиях разных национальных культур и систем безопасности; собственно лингвистическими факторами, связанными с несовпадением семантического объема понятий, передаваемых лексическими средствами английского и русского языков.

Полагаем, что **актуальность** разработки лингвистического подхода к феномену информационно-психологической войны серьезно возрастает в условиях текущей геополитической ситуации и требует большей ясности по причине того, что и в военное, и в мирное время влияние на когнитивные механизмы людей осуществляется через язык. Поиск антидота когнитивной манипуляции со стороны участников многополярного мира приводит российских ученых к обоснованию **лингвистики информационно-психологической войны**, которая сосредоточена на изучении языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства [Лингвистика информационно-психологической войны 2017]. Это научное

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 04.06.2018 г. № 1/326 по теме «Когнитивные и коммуникативные факторы репрезентации действительности в разных типах англоязычного дискурса».

© Кушнерук С. Л., 2018

направление занимает место малой матришки, вложенной в политическую лингвистику, которая, в свою очередь, входит в объемную лингвистику дискурса.

Обращаясь к проблемному полю информационно-психологического противоборства в британских медиа, за основу принимаем определение, предложенное группой ученых Сибирского федерального университета под руководством А. П. Сквородникова (Г. А. Копнина, А. А. Бернацкая, И. В. Евсева, А. В. Колмогорова, Б. Я. Шарифуллин), которые определяют **информационно-психологическую войну** (далее — ИПВ) как противоборство сторон, «которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингвистика информационно-психологической войны 2017: 13].

Рассматриваемая нами ИПВ ведется в британском медиадискурсе. Медиадискурс проективен. В философском понимании сущность проективности видится в создании реальности посредством языка, а «природа реальности определяется теми, кто имеет власть формировать язык» [Проективный философский словарь 2002: 10]. В медиареальности «власть формировать язык» и конструировать необходимые «картины» действительности и ее фрагментов принадлежит журналистам. Проективную реальность, объективируемую в медиадискурсе совокупностью вербально-знаковых средств, мы называем **дискурсивным миром ИПВ**. Дискурсивный мир — термин, который используется в **теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования**. Это развиваемое нами автономное направление лингвистики дискурса, изучающее процессы и результаты ментально-языкового представления информации о мире [Кушнерук 2008, 2010, 2016]. В этом случае дискурс анализируется в терминах репрезентационных структур, отражающих избирательное представление действительности средствами языка в чьих-либо интересах. *Дискурсивный мир ИПВ*

является репрезентационной структурой дискурса, когнитивное содержание которой объективируется в медиатекстах, объединенных тематикой противоборства.

Цель настоящего исследования — реконструировать дискурсивный мир ИПВ по текстовым данным: на основе интернет-газет и новостных сайтов, функционирующих в медиaprостранстве Великобритании. **Задачи**: установить параметры дискурсивного мира ИПВ, конструируемого британскими журналистами; определить, кого причисляют к субъектам и ключевым акторам ИПВ, каковы их цели, какие средства ведения борьбы они используют. **Материал** для исследования — контексты, извлеченные из корпуса NOW («News on the Web») в период 2010—2018 гг., общим количеством 1038 единиц. Они отбирались по двум ключевым словосочетаниям *information war* и *information warfare*. Данные о количествах употреблений словосочетаний представлены в таблице.

Согласно таблице, динамика освещения проблем информационной войны достигает своего максимума в 2017 г., превышая уровень 2010 г. более чем в 11 раз.

Дискурсивный мир ИПВ как репрезентационная структура в дискурсе британских средств массовой коммуникации может быть структурирован по ряду оснований. Представленные ниже параметры способствуют визуализации сложной ментальной структуры, фрагментарно объективируемой в медиадискурсе Великобритании, и пониманию того, чьи интересы она отражает и какие лингвистические механизмы для этого используются.

1. Масштаб и общая квалификация ИПВ

Информационная война имеет глобальный характер и **возвещает наступление новой эры**, в которой, чтобы выжить, каждому обществу придется научиться давать отпор киберагрессии. Ср.: *To survive in the era of information warfare, every society will have to create ways of withstanding cyberattacks* (The Guardian. 17.12.02). — **Чтобы выжить в эру информационной войны, каждому обществу придется создавать способы противостояния кибератакам.**

Таблица. Динамика освещения проблем информационной войны в период 2010—2018 гг. по данным корпуса NOW

Словосочетания	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего
Information WAR	10	13	10	11	37	54	83	134	35	387
Information WARFARE	17	18	38	21	20	33	132	176	196	651
Все словосочетания	27	31	48	32	57	87	215	310	231	1038

Масштаб противоборства соотносится с **войной мирового уровня**, в которую прямо или косвенно вовлекаются ведущие государства мира. Обнаруживается осмысление ИПВ как **третьей мировой войны** (*World War Three*), **новой холодной войны** (*new Cold War*), **кибер холодной войны** (*Cyber cold war*), **партизанской информационной войны** (*guerrilla information war*), а также **информационной конфронтации** (*information confrontation*). Ср.: **“World War III will be a guerrilla information war,”** it says. **“With no divisions between military and civilian participation”** (The Guardian. 17.02.26). — **„Третья мировая война будет партизанской информационной войной, — говорится в нем. — Без каких-либо различий между военным и гражданским участием“.**

Оценочную квалификацию ИПВ задают эпитеты, подчеркивающие ее **масштабный, массовый, острый, интензивный и пропагандистский** характер: *worldwide information war, massive information war, acute information war, intense information war, propaganda war*. Приведем один из многих примеров: **2017 was a year of “electoral hacking” and an intense information war aimed at shaping the recipients’ viewpoint** (<https://www.computerweekly.com>. 18.01.05). — **2017 год был годом „электорального взлома“ и интензивной информационной войны, направленной на формирование точки зрения людей.**

2. Субъекты ИПВ

ИПВ в британских медиа далеко не всегда описывается с точки зрения наличия двух противоборствующих сторон. В ряде контекстов называется только **унициатор** ИПВ, в роли которого выступают не отдельные лица, а, например, самая известная транснациональная американская корпорация (*Google*), владеющая крупнейшей в мире поисковой системой, которая индексирует наибольшее количество сайтов и занимается разработкой IT-продуктов. Ср.: **We are in an information war and billionaires are buying up these companies, which are then employed to go to work in the heart of government. That’s a very worrying situation. Google is not just a platform. It frames, shapes and distorts how we see the world.** (The Guardian. 17.05. 07). — **Мы находимся в условиях информационной войны, и миллиардеры скупают эти компании, которые затем привлекаются для работы в самом сердце правительства. Это очень тревожная ситуация. Google — это не „просто“ платформа. Она структурирует, формирует и вносит искажения в то, каким мы видим мир.** Компания

«Google» как субъект информационного влияния представлена занимающей «властную» позицию в виртуальном пространстве. Она имеет максимальный охват аудитории, полный доступ к информации и контроль над ней, что позволяет компании моделировать мир, форматируя и искажая факты нужным образом, что, как следствие, не может не сказываться на мировой геополитике.

ИПВ осуществляется **группой людей** против отдельного **государства**. Чаще всего в этом случае вторым субъектом называют США. Ср.: **Russians recruited “real Americans” as part of “information warfare”.** (BBC News. 18.02.16). — **Русские завербовали „настоящих американцев“ для ведения информационной войны.**

Субъектами ИПВ выступают **два государства**, имеющие конфликт интересов и намеренно пытающиеся оказать информационно-психологическое воздействие на сознание противника. В британских медиа субъектами выступают Великобритания и Россия, Россия и Литва, Россия и Чехия, Россия и США. Ср.: **Speaking to Newsnight on Friday she also spoke of her joy at hearing her cousin’s voice but also said she is ‘scared’ by being caught up in the information war between Britain and Russia** (The Daily Mail. 18.04.07). — **Услышав голос двоюродного брата на выступлении перед Newsnight в пятницу, она также рассказала о своей радости, но вместе с тем добавила, что ей „страшно“, оттого что она оказалась втянутой в информационную войну между Великобританией и Россией.**

Значимое противопоставление **России и Запада** регулярно обнаруживается в британской прессе, что способствует усилению образа глобальной политической трещины, которая отсекает Россию от всех «остальных» государств, представленных жертвами ее информационной войны. Об этом свидетельствуют многочисленные заголовки информационных ресурсов самой разной направленности. Ср.: **Ex-Soviet countries on front line of Russia’s media war with the west** (The Guardian. 15.01.06). — **Бывшие советские страны на линии фронта информационной войны России с Западом; The Russians are waging a conventional war in Syria — and an information war with the West.** (<https://news.sky.com>. 16.09.21). — **Русские ведут обычную войну в Сирии и информационную войну с Западом.**

3. Ключевые акторы ИПВ

Согласно данным, представленным британскими СМИ, ключевыми фигурами, инспирирующими информационную войну, яв-

ляются **Россия, Москва, Кремль**, а также **российский президент**, который обвиняется в попытке развязать новую «холодную войну»: *It's all part of a new Russian strategy and information war. There is an attempt by Putin to create a new Cold War* (The Herald. 18.03.17). — *Это все часть новой российской стратегии и информационной войны. Путин пытается начать новую „холодную войну“.*

Россия бросает вызов миру, она представлена как **знарок физической, электронной войны, кибер- и информационной войны**, а также войны нового типа — **гибридной**, которая фактически стирает границы между миром и войной. Ср.: *Russia also has impressive capabilities in artillery and electronic warfare. <...> its capacities in cyber- and information warfare are most apparent and pose some of the most pressing challenges. Again, the media and think tanks alike are awash with discussions of an apparently new phenomenon — so-called „hybrid warfare“ — a melding and blurring of the boundaries between peace and war at which Russia is perceived to be the new master* (BBC News. 18.03.31). — *Россия также располагает впечатляющими возможностями в артиллерии и ведении электронной войны. <...> ее возможности в области кибер- и информационной войны наиболее очевидны и бросают самые сложные вызовы. К тому же средства массовой информации и аналитические центры активно обсуждают новое явление — так называемую „гибридную войну“ — она размывает границы между миром и войной, в ней Россия воспринимается непревзойдённым знаком.*

4. Цели и задачи ИПВ

Одной из общих целей России является **создание проблем**. Ср.: *Russian „power“ may be reaching its zenith. It retains, though, an extraordinary ability to create trouble more broadly through hacking, information warfare, and by backing extremist political parties* (BBC News. 18.03.26). — *Возможно, российская „власть“ приближается к своему апогею. Она сохраняет исключительную способность создавать самый широкий круг проблем посредством взлома, информационной войны и поддержки экстремистских политических партий.*

Частные целеустановки: **дестабилизация, вмешательство, разделение Запада, подрыв демократии, распространение неуверенности и страха**. Идея **дестабилизации** проходит красной нитью в британских публикациях, затрагивая самые

проблемные стороны европейских обществ в связи с действиями России. Нажимая на большую мозоль, агенты медиадискурса намеренно связывают имеющиеся в Европе сложности с Россией, что негативно настраивает обычных британцев против всего, что связано с нашей страной. К примеру, утверждается, что Россия пытается **дестабилизировать Германию**, вызывая недовольство немцев присутствием беженцев. Ср. заголовок: *Russia „trying to destabilize“ Germany by stoking unrest over migrants, warn spy chiefs* (The Telegraph. 16.03.10). — *Россия „пытается дестабилизировать“ Германию, раскачивая волнения по поводу мигрантов, предупреждает разведка.*

Идея **вмешательства** чаще всего передается глагольными лексемами *interfere, meddle* в сильных и слабых позициях текста. Ср.: *Information warfare: Is Russia really interfering in European states?* (BBC News. 17.03.30). — *Информационная война: действительно ли Россия вмешивается в дела европейских государств?*

Демократия является ключевым понятием европейской политики, поэтому цель **подрыва демократических процессов**, ассоциируемая с Россией, должна еще больше очернить страну в глазах британцев и усилить образ российского врага. Ср.: *Russia is not our friend, the Russian government has conducted an information warfare campaign against our country and sought to undermine our democratic process* (<http://www.upmatters.com>. 17.06.17). — *Россия нам не друг, российское правительство ведет информационную войну против нашей страны и стремится подорвать наш демократический процесс.*

5. Театр ИПВ

Это территория или некое пространство, в пределах которого осуществляется информационно-психологическое противоборство. Основные места ведения ИПВ, по данным британских медиа, — **Интернет, социальные сети, страны Восточной и Западной Европы**. ИПВ ведется **онлайн**, т. е. в виртуальном пространстве, находящемся под управлением вычислительной системы: *Speaking as he visited British troops in Estonia yesterday, he hinted ministers may seek to force Facebook and Twitter into taking further action to combat the information war online* (The Sun. 18.03.27). — *Вчера во время посещения британских войск в Эстонии он намекнул, что министры могут попытаться заставить „Facebook“ и „Twitter“ предпринять дальнейшие действия по борьбе с информационной войной в Интернете.*

В век пропаганды полем битвы являются **социальные сети**, в которых люди активно выкладывают свои фотографии и делятся комментариями к новостям, а международная геополитика разворачивается в реальном времени. Ср.: *But then there's increasing evidence that our public arenas — the social media sites where we post our holiday snaps or make comments about the news — are a new battlefield where international geopolitics is playing out in real time* (The Guardian. 16.11.01). — Но тогда появляется все больше доказательств того, что наши общественные арены — сайты социальных сетей, где мы публикуем наши праздничные снимки или комментируем новости, — это новое поле битвы, на котором международная геополитика играет в реальном времени.

6. Активные средства ИПВ

Мероприятия, при помощи которых осуществляется информационно-психологическое воздействие на противника. Согласно британским медиа, к ним причисляют традиционные средства: **использование разведанных, искусственного интеллекта, наблюдение за врагом, командно-контрольные действия, кибератаки**. Вместе с названными активно используются **пропаганда, шпионаж и кибершпионаж**, различные **фальсификации**, в том числе новостного характера, **дезинформация и хакерские операции**.

Газета «Дейли мейл» акцентирует внимание на том, что представления о технологиях **фейковых новостей и кибератак** неуклонно развиваются: *The frequency of information warfare in all its manifestations, including fake news and cyberattacks, is now becoming better known* (The Daily Mail. 17.12.14). — **Диапазон информационной войны во всех ее проявлениях, включая фейковые новости и кибератаки, становится всё более осознаваемым**.

Российская пропаганда характеризуется как «изошренная» (*sophisticated*), включающая арсенал средств: **боты, команды троллей, сети веб-сайтов и аккаунтов в соцсетях**. Ср.: *Russia's increasingly sophisticated propaganda machinery — including thousands of botnets, teams of paid human "trolls" and networks of websites and social media accounts — echoed and amplified right-wing sites across the internet during the US election*. (The Independent. 16.12.17). — **Всё более изошренная российская пропагандистская машина, включающая тысячи ботов, команды „троллей“, за которыми стоит оплаченная работа людей, сети**

веб-сайтов и аккаунтов в социальных сетях, усилила правоцентристские интернет-сайты во время выборов в США.

Российский **кибершпионаж**, реализующий ИПВ, приравнивается к киберпреступлениям, которые связаны с доступом к информации: *The techniques that cyber espionage uses, including Russian cyber espionage and information warfare, is in some cases indistinguishable from what cyber criminals want to do, because both of them are about accessing information* (<http://www.wired.co.uk>. 18.04.21). — **Методы, которые использует кибершпионаж, включая российский кибершпионаж и информационную войну, в некоторых случаях не отличаются от того, что делают киберпреступники, потому что и те, и другие имеют дело с доступом к информации**.

7. Войска и оружие ИПВ

По данным британских медиа, Россия как актор ИПВ располагает воинскими формированиями, которые создаются для осуществления информационно-психологического воздействия. У российского президента есть **киберармия**, которая забрасывает западный мир фальшивыми новостями и сообщениями в социальных сетях, вносящими раздор в сознание: *From inside the unremarkable office building, Putin's cyber army deployed wave after wave of fake news articles and divisive social media posts*. (The Daily Mail. 17.11.12). — **Изнутри ничем не примечательного офисного здания киберармия Путина гонит волну за волной поддельных новостей и неоднозначных постов в социальных сетях**.

В арсенале главного актора ИПВ — **армии троллей и ботов**. **Русские боты** активно используются, чтобы создать хаос и подорвать мирно протекающие политические процессы. Ср.: *The core of the debate is the accusation that a number of political tweets were sent by "Russian bots", with the intention of subverting political debate, or simply creating chaos generally*. <...> *Based on what we know about Russian information warfare, the Twitter accounts run by the country's «troll army», based in a nondescript office building in St Petersburg, are unlikely to be automated at all* (The Guardian. 18.01.07). — **В основе дебатов лежит обвинение в том, что ряд твитов был отправлен „русскими ботами“ с намерением подорвать политические дебаты или просто создать хаос**. <...> **Исходя из того, что нам известно о российской информационной войне, учетные записи Twitter, которыми управляет „армия троллей“, располага-**

ющаяся в невзрачном офисном здании в Санкт-Петербурге, вряд ли будут автоматизированы вообще.

Как видно из контекста, помимо ботов в состав воинствующей армии Путина входят **тролли**. Они прочесывают сети, чтобы привлечь к себе внимание любыми, чаще всего хамскими и грубыми способами. Это интернет-провокаторы на службе российского президента: *He accepts that he was a troll in Putin's information war...* (The Daily Mail. 17.11.12). — Он признает, что был **троллем в информационной войне Путина...**

Особое место в британском медиадискурсе занимают вездесущие **русские хакеры**, способные влиять на выборы в других странах и нагоняющие страх на весь мир. Чаще всего они фигурируют в связи с вмешательством в президентские выборы в США. Ср.: *European governments have warned of a growing threat of Russian hacking and "information warfare" in the wake of claims that Moscow tried to sway the US presidential election* (The Times. 16.12.18). — *Европейские правительства предупреждают о растущей угрозе российского хакерства и „информационной войны“ на фоне заявлений о том, что Москва пыталась повлиять на президентские выборы в США.*

Проведенное исследование свидетельствует о том, что ИПВ ведется крупнейшими медиа Великобритании главным образом в отношении британских граждан, а также тех, кто знакомится с британской прессой. Объектом ИПВ оказывается сознание значительной части аудитории, интересующейся вопросами политики и читающей интернет-газеты и новостные сайты. Главной мишенью ИПВ выступает Россия и ее политические действия. Основная цель ИПВ — оказать влияние на когнитивные механизмы читателей для формирования образа России как угрозы на пути культурно-цивилизационного развития Европы и мирового сообщества. В британском медиадискурсе выявлена репрезентационная структура концептуально-сложного типа — дискурсивный мир ИПВ. Это ментально-языковая структура, которая реконструируется на основе совокупности медиатекстов, объединенных тематикой противоборства, борьбы, вражды, подчиненная целям политики Великобритании и отражающая расстановку сил в глобальной геополитической обстановке. Негативное миромоделирование, осуществляемое агентами британского медиадискурса за счет доступа к информации, проявляется в тиражировании таких представлений о России, которые очерняют внешнеполитические усил

ия и действия российского президента и демонируют образ нашей страны в глазах граждан других государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С. Г., Гущина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 27—34.
2. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5—14.
3. Бабикова М. Р., Цыганкова А. В. Информационные войны против России: лингвистический аспект // Сопоставительная лингвистика. 2017. № 6. С. 214—219.
4. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.
5. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206—216.
6. Копнина Г. А., Сквородников А. П. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 35—50. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.
7. Копнина Г. А., Сквородников А. П. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1 (8). С. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.
8. Коцобинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 93—96.
9. Кошкарлова Н. Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2018. № 2 (191). С. 14—18.
10. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б., Зотова Е. Н. «Российская агрессия» по-американски и «Российский след» по-украински // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 74—81.
11. Кушнерук С. Л. Личные местоимения как языковые маркеры пересечения текстовых миров в рекламе // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2008. № 36 (137). Филология. Искусствоведение. Вып. 27. С. 85—89.
12. Кушнерук С. Л. Образ президента — визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 87—92.
13. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 48 с.
14. Лингвистика информационно-психологической войны: моногр. Кн. 1. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
15. Озоменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220.
16. Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. — СПб.: Алетейя, 2002. 298 с.
17. Сквородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.
18. Сквородников А. П., Копнина Г. А. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016а. № 2. С. 238—258. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Skovorodnikov-A.P.-Kopnina-G.A.pdf>.
19. Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект //

Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175—178.

20. Arquilla J. *Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World*. — Chicago, IL : Ivan R. Dee, Publisher, 2011. 336 p.

21. Arquilla J., Ronfeldt D. *The Advent Of Netwar*. — Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1996. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR789.html.

22. Arquilla J., Ronfeldt D. *Cyberwar is Coming!* // *Comparative Strategy*. 1993. Vol. 12, Num. 2. P. 141—165. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2007/RAND_RP223.pdf.

23. Arquilla J., Ronfeldt D. *The advent of netwar (revisited) // Networks and netwars / ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt*. — Santa Monica, 2001.

24. Brose R. *Cyber War, Netwar, and the Future of Cyber-defense* [Electronic resource]. 2015. URL: <https://www.dni.gov/>

index.php/newsroom/ic-in-the-news/ic-in-the-news-2015/item/1205-cyber-war-netwar-and-the-future-of-cyberdefense.

25. Brzezinski Z. *Strategic vision: America and the crisis of global power*. — New York : Basic books, 2012.

26. Denning D. E. *Information warfare and Security*. — Reading etc., 1999.

27. Libicki M. *What is Information Warfare?* — Washington, 1995.

28. Libicki M. *The Convergence of Information Warfare // Strategic Studies Quarterly*. 2017, Spring. P. 49—65.

29. Stein G. *Information warfare* [Electronic resource] // *Airpower Journ*. 1995, Spring. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm>.

30. Szafanski R. *Neocortical warfare? The acme of skill // Military Review*. 1994. Nov. P. 41—55. (U. S. Army Command and General Staff College).

S. L. Kushneruk

Chelyabinsk, Russia

MEDIA REALITY OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR (ON THE MATERIAL OF BRITISH PRESS AND NEWS SITES)

ABSTRACT. *The paper focuses on the phenomenon of information-psychological war in British mass media. The study is based on the data taken from “News on the Web” corpus, covering the period of 2010—2018. The analysis involves contexts from Internet newspapers and news sites, united by information war theme. The aim of the author is to reconstruct the fragment of media reality of information-psychological war and establish its parameters. The term “discourse world of information-psychological war” is introduced to denote a representational structure, which is textualized in the media and reflects the balance of forces in the global geopolitical situation. The notion of discourse world draws on cognitive-discourse **World Modelling Theory**, which explores discourse in terms of representational structures. The discourse world of information-psychological war as reality constructed by journalists is characterized by the scale, subjects, key actors, goals and objectives, the theater of war, active means, troops and weapons. It is revealed that information-psychological war is conducted by the largest media of Great Britain against readers. The object of information-psychological warfare is the mind of a wide audience, interested in politics and online publications. The target of the information-psychological war is Russia, which is represented in the British media as a threat to the world and a key actor in the information war, which hinders the cultural and civilizational development of the West. Negative world-modelling in the British media is manifested in the spread of such ideas about Russia, which demonize the image of the country in the eyes of other members of the world community. The conclusion might present interest for further investigation of the linguistic basics of the development of measures against external information and psychological attacks.*

KEYWORDS: *information-psychological war; media discourse; media linguistics; media texts; political discourse; mass media; media; British mass media; mass media language.*

THE AUTHOR: *Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of English Philology Department, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

The research is accomplished under financial support of Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evsev'ev; Contract for Scientific and Research Work № 1/326, 04.06.2018; “Cognitive and Communicative Factors of Reality Representation in Different Types of English Language Discourse”

REFERENCES

1. Agapova S. G., Gushchina L. V. *Informatsionnaya voyna: manipulyativnaya strategiya na ponizhenie // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistikii*. 2017. № 3 (27). S. 27—34.

2. Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. *Informatsionnaya voyna v informatsionnom obshchestve // Voprosy filosofii*. 2016. № 11. S. 5—14.

3. Babikova M. R., Tsygankova A. V. *Informatsionnye voyny protiv Rossii: lingvisticheskiy aspekt // Sopostavitel'naya lingvistika*. 2017. № 6. S. 214—219.

4. Ivanova S. V. *Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozdanie efekta demonizatsii // Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 5 (59). S. 28—37.

5. Kopnina G. A. *Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voynе (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 5 (65). S. 206—216.

6. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. *O filosofskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Elektronnyy resurs] // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2016. № 1 (6). S. 35—50. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.

7. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. *Gazetno-publitsicheskies teksty kak istochnik informatsii o tekhnologii vedeniya sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2017. № 1 (8). S. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.

8. Kotsyubinskaya L. V. *Ponyatie «informatsionnaya voyna» v sovremennoy lingvistike: novye podkhody // Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 4 (54). S. 93—96.

9. Koshkarova N. N. *Feykovye novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? // Vestn. Tom. gos. ped. un-ta*. 2018. № 2 (191). S. 14—18.

10. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B., Zotova E. N. *«Rossiyskaya agressiya» po-amerikanski i «Rossiyskiy sled» po-ukrainski // Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 1 (67). S. 74—81.

11. Kushneruk S. L. *Lichnye mestoimeniya kak yazykovye markery peresecheniya tekstovyykh mirov v reklame // Vestn. Chelyab. gos. un-ta*. 2008. № 36 (137). *Filologiya. Iskuststvedenie*. Vyp. 27. S. 85—89.

12. Kushneruk S. L. *Obraz prezidenta — vizitnaya kartochka Rossii: tekstovye miry pressy, adresovannoy zarubezhnym chitatel'nyam // Politicheskaya lingvistika*. 2010. Vyp. 3 (33). S. 87—92.

13. Kushneruk S. L. *Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie v britanskoj i rossiyskoj kommercheskoj reklame : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg*, 2016. 48 s.

14. *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 1. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t*, 2017. 340 s.

15. Ozyumenko V. I. *Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2017. T. 21. № 1. S. 203—220.

16. *Proektivnyy filosofskiy slovar': novye terminy i ponyatiya / pod red. G. L. Tul'chinskogo, M. N. Epshteyna. — SPb. : Aleteya*, 2002. 298 s.

17. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50.
18. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. O psikhologicheskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Elektronnyy resurs] // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2016a. № 2. S. 238—258. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Skovorodnikov-A.P.-Kopnina-G.A.pdf>.
19. Tagil'tseva Yu. R. Metodologicheskii analiz informatsionno-psikhologicheskoy voyny: teoreticheskii aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 175—178.
20. Arquilla J. Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World. — Chicago, IL : Ivan R. Dee, Publisher, 2011. 336 p.
21. Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent Of Netwar. — Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1996. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR789.html.
22. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is Coming! // Comparative Strategy. 1993. Vol. 12, Num. 2. P. 141—165. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2007/RAND_RP223.pdf.
23. Arquilla J., Ronfeldt D. The advent of netwar (revisited) // Networks and netwars / ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. — Santa Monica, 2001.
24. Brose R. Cyber War, Netwar, and the Future of Cyberdefense [Electronic resource]. 2015. URL: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/ic-in-the-news/ic-in-the-news-2015/item/1205-cyber-war-netwar-and-the-future-of-cyberdefense>.
25. Brzezinski Z. Strategic vision: America and the crisis of global power. — New York : Basic books, 2012.
26. Denning D. E. Information warfare and Security. — Reading etc., 1999.
27. Libicki M. What is Information Warfare? — Washington, 1995.
28. Libicki M. The Convergence of Information Warfare // Strategic Studies Quarterly. 2017, Spring. P. 49—65.
29. Stein G. Information warfare [Electronic resource] // Airpower Journ. 1995, Spring. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm>.
30. Szafranski R. Neocortical warfare? The acme of skill // Military Review. 1994. Nov. P. 41—55. (U. S. Army Command and General Staff College).